

Интервью с Леонидом Ефимовичем БЛЯХЕРОМ

«ИСПУГАННЫЙ ЭТОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ, Я КИНУЛСЯ ЧИТАТЬ УЧЕБНИК ЯДОВА»

Бляхер Л. Е. – окончил филологический факультет Таджикского государственного университета (1989 г.). Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологи Тихоокеанского государственного университета. Основные области исследования: экономическая социология, социология организаций, неформальные отношения в бизнесе и политике, политическая регионалистика. Интервью состоялось 5-7 июля 2014 г.

Моей встрече с Леонидом Ефимовичем Бляхером я обязан недавно вышедшей книге «Социологи России». Знакомился с ней я весьма целенаправленно, искал кандидатов для биографического интервью. В конце 2013 года я решил, что пора переходить к беседам с социологами пятого и шестого поколения, годы рождения первых – в интервале 1959-1970, вторых – 1971-1982, поэтому важнейшим показателем для отбора будущих «жертв» был год рождения. Год рождения незнакомого мне Л. Е. Бляхера отвечал задаче моего поиска – 1965. Далее меня привлекло в его биографии то, что его кандидатская диссертация была связана с исследованием парадигматики М. М Бахтина, а в одном из его докладов анализировалось творчество Андрея Платонова. В моем понимании, это – очень заметная «визитная карточка» ученого. Редкими оказались и другие моменты его биографии: рождение в Душанбе, служба в армии, отсутствие аспирантуры, работа в Хабаровске. Все, с кем я ранее проводил интервью либо получали образование в Москве или Ленинграде, либо учились там в аспирантуре. И наконец, докторская диссертация по социальному хаосу, защищенная в 33 года.

Конечно, я сразу нашел в Интернете электронную почту Бляхера отправил ему письмо и предложил дать мне биографическое интервью. Это было 26 июля 2014 года. Он сразу же мне ответил, что находится в Австрии без нормального компьютера, но вернется домой 4 августа, и с радостью вышлет мне ответы на мои вопросы. Действительно, в указанный день я отправил Леониду первый вопрос, а далее произошло то, чего в моей практике не было и, уверен, не скоро повторится. Интервью, несмотря на то, что (а, может быть, потому что) нас разделяли 18 часов, протекало в прямом диалоге, как в чате. Все было сделано за два дня, но мне трудно подсчитать, за сколько часов.

Мне думается, что рассказанное Леонидом Бляхером весьма значимо для понимания процессов, протекающих в современной российской социологии, и становления новых социологических поколений.

Бляхер Л. Е.: «Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова»

Согласно информации недавно вышедшего справочника «Социологи России», Вы родились в Сталинабаде, что не совсем верно, за четыре года до Вашего рождения городу было возвращено его историческое имя Душанбе. Как Ваши родители оказались там? Они сами приехали, скажем, на какую-либо стройку, или они там и родились? Вообще, как далеко, глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

Историю семьи знаю поколений на пять. Правда, там, где начинаются всякие «пра-пра», в основном, по семейным приданиям. Отец родился в Гомеле, а мама — в Москве. Но... типичная советская судьба. Бабушка (мама отца) с сестрами была эвакуирована (уже из Бобруйска) в Сталинабад. Дед ушел на фронт. Но в 43-м был ранен, комиссован и отправлен умирать в тыл.

После окончания войны бабушка, по рассказам, просто испугалась возвращаться в абсолютно разоренный город с мужем-инвалидом. Так они остались в Душанбе, где за годы эвакуации как-то обустроились. Бабушка работала в столовой, что и было основным источником питания в семье еще и на моей памяти. Дедушка, успевший окончить Санкт-Петербургское высшее коммерческое училище («пра» были купцами 1 гильдии, что позволяло учиться в столице) был каким-то хозяйственным замом на заводе. Папа окончил местный филфак, а потом искусствоведческий факультет Академии художеств им. И. Е. Репина в Ленинграде. Был в аспирантуре у Ю. Н. Давыдова в Москве. Но подписал письмо в защиту Даниэля и Синявского. После чего попытка «закрепиться» в столице не увенчалась успехом. Вернулся в Таджикистан, где и проработал в разных вузах до 1990-го года.

С мамиными родителями сложнее. В 1938-м году, ее отец был расстрелян на «дальней даче», а бабушка получила классические десять лет, как ЧСИР. Маму и ее брата от детдома спасли тетки. Самая «состоятельная» из них, адвокат баба Иза, «удочерила» маму. Чудом сбежав из Харькова, они после кучи мытарств тоже оказались в столице солнечного Таджикистана. В 1949-м в городок под Душанбе (Шахринау) прибыла в ссылку ее мама с новым, рожденным в тюрьме братиком. В 1954-м бабушку реабилитировали. Она смогла вернуться в Москву. Мама осталась в Душанбе. Окончила местный физфак и работала в институте астрофизики. На занятиях по философии (кандидатский экзамен) они с папой и познакомились. Там ей предложили сменить специальность с физической на философскую. В результате, родившись в 1965 году, я оказался «философским ребенком».

Что из себя представлял Душанбе в 1960-70-е годы?

Душанбе был уникальным городом. Мое поколение интеллигентных душанбинских детей могло абсолютно искренне сказать: Спасибо товарищу Сталину (и частично, Брежневу) за наше счастливое детство! В Душанбе не ссылали, точнее, ссылали не часто. Зато туда много бежало тех, кто мог быть арестован, но не сильно жаждал этой участи. В силу абсолютной дремучести местного начальства, эти люди не только благополучно выживали в сталинской мясорубке, но и могли активно работать. Местную гуманитарную среду делали такие добровольные или не совсем добровольные переселенцы.

Драматический театр создавал Евгений Шварц. Местную философскую школу пестовал еще совсем молодой В. С. Библер, кстати, первый учитель родителей. Питерские востоковеды создали школу изучения восточных языков. Харьковские и московские «беженцы» создавали русский филфак. Поколение моих учителей, следующее поколение душанбинской интеллигенции, появилось под лозунгом «Брежнев — вон из Праги!». В результате сложилась среда с качественно более высоким уровнем свободы, чем в остальном СССР. Причем, не натужной свободы диссидентов. Но естественного состояния души. Здесь так жили. Конечно, КГБ было и в Таджикистане. Но у них, к счастью или несчастью, хватало реальных проблем (первые массовые этнические конфликты проявились уже в начале 70-х), потому людьми с «длинными языками» занимались не очень активно.

Сам город детства был теплым, домашним. Вдоль улиц бежали арки. А над ними сплетали ветви платаны. При этом, как в любой столице национальной республики, там был десяток обязательных вузов, шесть театров, отделение академии наук. Население города было около полумиллиона. При невероятной полиэтничности, город считался «русским». Собственно, актуальными были три этнических самоопределения «таджик», «русский» и «узбек». При этом, в категорию «русский» попадали сосланные чеченцы и корейцы, депортированные немцы и татары. Видимо, основой был не столько этнический, сколько лингвистический фактор.

Какие воспоминания остались от школы? То, как Вы описали Душанбе, позволяет предположить, что в школах могли быть сильные учителя. Возможно, как у «философского ребенка» у Вас рано появился интерес к литературе, истории, но мог быть интерес и к физике...

Школа в городе была разная. Во-первых, были русские и таджикские школы. В первых преподавание велось на русском языке, во вторых, понятное дело, преподавали на таджикском. Учиться предпочитали в русских, где преподавание было существенно лучше. Почему? Отдельная тема. В таджикских школах учились дети недавних переселенцев из кишлаков, жители предместий. Но и «русские» школы тоже были разными. Сословность здесь правила бал. Были школы, где предпочитали учиться дети парт номенклатуры, дети «начальников». Были школы, где тон задавали дети интеллигенции. Были «рабочие» школы. Различались в них и учителя, и атмосфера. В школах «для интеллигенции» отношения между учениками и учителями были, наверное, более приватными. В «школах для интеллигенции» было много учителей-легенд, к которым стремились попасть. Во всяком случае, родители стремились отдать туда детей.

На мою беду, большая часть этих легенд были естественниками. Об учителе математики Иване Дмитриевиче Борздыко я услышал раньше, чем научился писать. Он учил отца, маму, старшего брата. Его ученики становились докторами наук, получали престижные международные премии. В физико-математическую школу, по традиции, отдали и меня. Учителя были блестящими. Физика Иосифа Ивановича Ракитина помню до сих пор. Про преподавателя электроники (был у нас такой отдельный предмет) Александра Захаровича говорили, что не понять после его объяснения может только клинический идиот. Гуманитарные предметы преподавались, как «дополнительные». Иногда это было интересно. Но,

в целом, воспринималось, как не важное. Тем более, что особыми физическими и математическими талантами я не блистал. Потому на физику приходилось тратить массу времени. Литературу и историю же можно было делать левой ногой. Об истории я гораздо больше узнавал дома от папы, а о литературе — от мамы. Выбор гуманитарной сферы был почти вынужденным. Заканчивался десятый класс. Был серьезный шанс на медаль. Но «пятерки» по алгебре и геометрии не выходили никак. Таких нас было три гения. И вот, перед началом экзаменом нас пригласил наш математик и сказал: «Ребята, я не хочу вам портить жизнь. Вы тупые. Вы не виноваты. Просто так распорядилась природа. Давайте договоримся. Я ставлю вам «пятерки», если вы сдаете экзамен на «пять», но вы никогда не пойдете в вуз, где изучается математика». На том и порешили. Этот завет блюду свято. Хотя, честно говоря, обидно до сих пор.

Учились ли Вы одновременно в музыкальной школе, был ли интерес к рисованию, желание читать серьезные книги (не учебники) по физике, философии? Было ли увлечение общественной работой? Тогда ведь все были членами ВЛКСМ. Выезжали ли Вы собирать хлопок?

На мое несчастье у старшего брата был идеальный слух. Он шесть лет промучился в музыкальной школе, промучив параллельно родителей до такой степени, что обо мне речь уже не шла. Тем более, что в финале он сжег скрипку. До университета, да и в университете, я занимался совсем не интеллектуальными видами спорта. До 12 лет это были футбол и плавание, а позже бокс. Был чемпионом и призером республиканских и союзных соревнований. Правда, читать любил всегда. По физике, конечно, о серьезных книгах речь не шла. Пробовал, не вышло. Но «Теорию относительности для миллионов» прочел классе в четвертом, как и всякую популярщину про космологию. Больше всего любил читать исторические тексты. Е. В. Тарле — любимый автор детства. Историческую беллетристику глотал пачками класса с 3-го. Любимым развлечением было перенести события из книги на карту. Вообще, карты и таблицы до сих пор моя страсть. Общественной работой не занимался. Только в армии был комсоргом, поскольку это давало возможность не жить в казарме и читать книжки. Да, кажется, на четвертом курсе организовал факультетский драмкружок. На хлопок, конечно, ездил. Сохранил об этом самые теплые воспоминания. Работали мы там мало и плохо. Зато было много выпивки, девушек, веселья и т. д. Всякие бытовые неудобства в тот момент серьезной проблемой не были.

Вы еще будучи школьником впервые выехали в европейскую часть СССР?

Конечно. Ведь бабушка и дядя жили в Москве. На даче под Москвой проводила лето и наша семья. Точнее мама со мной и братом. С мамой объездили Золотое кольцо, подмосковные усадьбы, московские музеи и театры. Она, вообще, считала своим долгом мотаться с нами, где можно и нельзя. В 8-м классе впервые выехал с отцом в Питер. Он там повышал квалификацию, а я бродил по городу. Вместе с ним ходили в музеи. Правда, это было менее интересно, чем с мамой. Он рассказывал об осях симметрии, специфике мазка и прочей искусствоведческой дребедени. Правда, иногда очень интересно о судьбе картин

и художников. В составе спортивной команды, лет в 14, ездил в Набережные Челны, Казань, Донецк и Палангу. Кажется, этим мое знакомство с Европой заканчивалось, если не считать книжек и альбомов с фотографиями.

В годы Вашей юности и ранней молодости рядом с Душанбе проходила афганская война. Как это сказывалось на жизни города, отражалось в повседневной жизни людей?

Первое время была массовая истерика. Официально подавалось, что «басмачи рвутся через границу». Поскольку значительное число людей из Душанбе бывали в Афганистане, любили эту страну, то от всего информационного шума голова шла кругом. Потом появились первые ребята с боевыми наградами, появились инвалиды. Слово «афганец», которое прежде обозначало только жителя этой страны, да один из видов песчаных бурь, типа хамсина, изменило смысл. Появились рассказы «оттуда». В вузах стали учиться студенты из Афганистана из семей – сторонников «шурави» (советских). Потом пошли «грузы 200». Появился материнский страх, что «ребенка заберут в Афганистан». Когда я призывался, то мама приложила все свое влияние, чтобы «только не туда». Попал служить в Забайкалье. Больше война никак на семье не сказалась. Может быть, только одно воспоминание. Наш дом окнами выходил на дорогу, ведущую в южном направлении. Почти каждую ночь по дороге грохотали колонны танков и БТР, едущие на юг.

И еще мимо одного процесса мы не можем пройти. Вы так мягко заметили, что Ваш отец работал в Таджикистане до 1900-года. По-видимому, имеется в виду массовый отъезд русскоязычного населения из республики... Вообще, как это происходило, что это был за процесс? Я в те годы уже жил в Америке, и мне было не до российско-таджикских событий. Каковы причины этого отъезда (или бегства?). Какова «жирность» направленности векторов отъезда еврейского населения в Россию и Израиль?

Напряжение нарастало очень постепенно. Вернувшись из армии в 1986-м году (рассвет Горбачева я встретил там), я увидел, что продуктов в сытом Душанбе стало намного меньше. Появились пустые полки и длинные очереди. Вместе с ними первые частные («кооперативные») магазины, кафе, бары. Но если в «русском» Душанбе это было проблемой, то в кишлаках в условиях демографического взрыва это становилось катастрофой. Формировалась линия противостояния «столица – республика». Вторая линия противоречий шла по поводу «государственного языка», перевода делопроизводства на таджикский язык. Русскоязычным населением это воспринималось, как форма «выдавливания» их с государственных рабочих мест. Третья линия противоречия, самая острая, шла между «племенами». Основная масса этнических таджиков проживала и проживает в Узбекистане (Самаркандская и Бухарская области). Таджикистан – это исторически горные бекства, нукеры которых очень охотно ходили в походы на таджикские города. При создании Таджикской АССР, а затем и ССР в нее был включен узбекский Ходжент (Ленинабад). «Северяне» и были «правлящим классом» в республике. Южные кланы, оттесненные от власти, копили раздражение. И однажды оно взорвалось. Предлогом к началу всего и вся стали слухи, что в город прибыли беженцы из Баку, которым дадут квартиры, предназначенные для таджиков. Почему именно это, сказать не берусь. Но в начале

февраля 1990-го года огромная толпа молодых людей собралась перед зданием ЦК КП Таджикистана. Вытесненные с площади, они пошли по городу, громя дома и избивая людей. В нашем районе погромов удалось избежать. Район был рабочий, традиционный. Почти сразу возникли отряды самообороны. В серии стычек получилось объяснить ребятам, что им здесь не тут. Потом в республике появилось огнестрельное оружие. Много оружия. Как-то, дежуря ночью, мы остановили машину, багажник которой был забит калашами. Автоматные очереди заменили ночных цикад. Введение войск на какой-то момент стабилизировало ситуацию. Но не вполне. В 1992-м страна взорвалась гражданской войной на почти десять лет. С 1990-го по 1992 годы и шел основной отток. Израиль организовывал даже спецрейсы для вывоза евреев из Таджикистана. Большая часть нашей семьи, всевозможные дяди и тети, включая родного брата, там. Немецкая община, представители которой еще с начала 80-х активно отбывали на историческую родину, отбыла почти полностью, захватив некоторое число евреев. Самый «жирный» поток шел в Россию. Первоначально лидировала идея сельских поселений. В Воронежской и Калужской области возникли деревни и районы в малых городах, где компактно проживали душанбинцы. Но конфликты с местными властями и населением, в конце концов, привели к гибели всех этих общин. Сегодня большая часть их представителей живет в Москве и Подмосковье. Почему мы поехали на Дальний, а не на Ближний Восток, сказать трудно. Наверное, вопрос языка, который в тот момент казался особенно болезненным. Почему именно в Хабаровск, сказать легче. Когда отец сообщил о таком варианте, я был в шоке. Память о светлых армейских годах была жива. Тогда он разложил карту СССР и сказал: «Видишь, как это далеко? Пока до туда докатится очередной российский маразм, или он сдуется, или против него найдут противоядие». Так мы стали дальневосточниками.

У Вас уже дважды в тексте появилась служба в армии? Я не понял, Вы служили до Университета, Вас оторвали от обучения или после получения высшего образования?

Я учился в тот замечательный период, когда факт принадлежности к студенчеству не обеспечивал отсрочки. В результате, после окончания второго курса я отправился отдавать долг родине. Надеюсь, что мы с ней в расчете. Служил в ЗабВО. После возвращения продолжил учиться. За год почти отвык публично использовать мат в качестве разговорного языка и пытаться выяснить истину с помощью потасовки. В целом, учитывая бегство и обустройство на новом месте, да и некоторые другие аспекты биографии, опыт был полезным.

Тогда вернемся к моменту завершения школы. Какой это был год? Какие планы на продолжение образования были? Были ли планы получить образование в Москве или Петербурге? Какой факультет Вы все же избрали?

Это был 1982-й год. Выбор был между филфаком и истфаком. Историю всю жизнь любил очень. Не стал поступать из страха, что туда идут жаждущие будущей чиновной или партийной карьеры. Этого не хотелось точно. Остался филфак. Про обучение в столицах думал и даже частично реализовал. Но, по разным биографическим причинам, пришлось вернуться домой. Как оказалось, филфак в Душанбе был на диво сильным, а учиться было интереснее

и приятнее, чем в Москве. С нами «носились». Позвонить поздним вечером преподавателю, поскольку тебя осенила «гениальная идея», считалось почти нормой. Совместные капустники студентов и преподавателей, теоретические и творческие семинары – все это было обычным делом. В МГУ профессор не всегда даже вспоминал о том, что у него лекция.

С 3-го курса (после армии) мне дали свободное посещение и индивидуального наставника. Сначала я работал под руководством П. А. Клубкова, совершенно гениального лектора и потрясающе интересного собеседника. У него была шикарная домашняя библиотека, где я «пасся» постоянно. Причем, что в те годы было редкостью, множество книг на иностранных языках, редких переводов. Сам Павел Анатольевич заканчивал факультет математической лингвистики в ЛГУ. Писал диплом и защищал диссертацию у Льва Буланина, занимался в семинаре у Ю. М. Лотмана. Я, честно говоря, предпочитаю думать о себе, не как о «внуке» Библера, а как о «внуке Лотмана». Хотя наше профессиональное сотрудничество не сложилось, но теплое общение мы продолжали до последних дней его жизни.

Потом я работал под руководством О. Б. Кушлиной, сегодня более известной, как писатель и критик, издатель собрания сочинений своего супруга Виктора Кривулина. Собственно, более счастливых и ярких лет в жизни у меня не было. Нас не только учили. Мы постоянно выезжали в столицы на какие-то конференции, ездили на семинар к Юр Миху Лотману в Тарту, на студенческие олимпиады в Краснодар. Проводили сами конференции. Последнюю проводили уже в условиях военного положения и комендантского часа. Это было захватывающее действо. В стиле – всем смертям назло.

Филфак: русское отделение или иностранные языки? Вас тянуло в журналистику? Писательство? Семиотику?

Русистика. Мне казалось (в школе), что там меня «научат писать стихи». Журналистика была формой быстрого заработка. Как работа не воспринималась. С иностранными языками не сложилось. До сих пор общаюсь на уровне «твоя моя не понимает». Читать проще. Про семиотику узнал уже в университете. То есть слово слышал от родителей, но, почему-то, не заинтересовался. Зато первую курсовую у Клубкова писал на тему «Семантика стихотворного размера. Четырехстопный хорей».

И что быстро поняли, что в университетах не учат писать стихи? В армии, наверно, Вас привлекали к работе в газете? И все же, какое образование Вы получили: по диплому и по сути?

Почти сразу стало понятно, что стихи меня писать не научат. В армии от стенгазет я был почти свободен, поскольку 2/3 службы следил за «спокойствием воздушных границ нашей Родины». Там или смена, или сон. В последние полгода что-то выпускали, но не отложилось. Образование по диплому и меня «Филолог. Преподаватель». По сути сложнее. Даже затруднюсь сказать. Наверное, все же филологическое. Только с очень специфическим пониманием филологии. Клубков говорил: То, что штаны одевают через ноги, а не через голову, тоже имеет отношение к языку. Язык – единственная материя, в которой нам представлена реальность.

В армии Вам не предложили вступить в КПСС? Для работавших в журналистике это было крайне полезно...

Предложили. И я даже согласился. Только не вышло. Меня во время оно выгнали из комсомола. В результате я оказался комсоргом, не будучи комсомольцем. Просто об этом никто не спросил, а по умолчанию предполагалось, что все комсомольцы. В результате я под дембель получил хороший скандал. Но замяли и задним числом приняли меня в ВЛКСМ. Так что я — дважды комсомолец СССР!

И Вас распределили в школу или предложили аспирантуру?

И не то, и не другое. Меня распределили на кафедру общего языкознания. Предполагалось, что через пару лет я поеду в аспирантуру и защитусь. Правда, с третьего курса я подрабатывал в школе, поскольку скоропостижно женился, соорудил потомка. Следовательно, возникала необходимость кормить семью. Газетные же заработки были очень не регулярными. Но сим радужным планам было не суждено сбыться. Начинается война в Таджикистане и мы, благополучно, делаемся понечетными дальневосточниками. В результате аспирантура в моей жизни так и не случилась. Как-то совершенно набегу защитил обе диссертации. Даже обидно. Люди делятся перипетиями защиты, смешными случаями. А я этого акта почти и не помню.

Вот и повспоминаем... но сначала о переезде. Это когда произошло? Были ли какие-либо подъемные, оплачивались ли (Россией?) авиабилеты, предоставлялось ли переселенцам жилье, как Вы решали вопрос трудоустройства?

Переехали в августе 1990-го. У родителей был статус «приглашенных специалистов» (была в СССР такая формула). Приглашал хабаровский пединститут. Им почти сразу дали жилье. Я ехал на «птичьих правах». В качестве бесплатного приложения к приглашенным специалистам. Билеты никто не оплачивал. Дали работу и то счастье. Мы с женой и двумя уже детьми жили в общежитии. Я попал на кафедру литературы местного филфака. Папа возглавил кафедру мировой художественной культуры. Мама пошла работать на кафедру философии. Через какое-то время, немного очухавшись, я устроился преподавать русский язык китайцам. Начал халтурить по местным газетам. Как-то концы с концами сводили.

Когда на горизонте замаячила наука? Какая проблематика? С кем обсуждали?

Наука маячила всегда. Просто ничем другим я толком и не умею заниматься. В 1992-м попытался защитить филологическую диссертацию по русским переводам Шиллера. Не срослось. Защита должна была быть в Москве. Элементарно, не набрал денег. Пришлось срочно переориентироваться на местные советы. Еще в Душанбе я начал заниматься М. М. Бахтиным. Был в 1989-м году на конференции в Саранске. Опубликовал пару-тройку статей. Вот это и оформил в кандидатскую, уже по философии. На тот момент я работал уже в местном техническом университете (больше зарплата, лучше жилищные условия) на кафедре культурологии. Сдал экзамены, защитился. Была ли это наука, сказать не берусь. Решались самые меркантильные проблемы. У кандидата меньше нагрузка, больше зарплата. Ему легче найти приработку. Собственно,

наукой я стал заниматься после защиты. Просто, как отдушиной, в достаточно гадкий период жизни. А потом появился батюшка Сорос, Фонд Форда и другие хорошие люди, коим благодарен до сих пор.

И все же, почему Бахтин, а не скажем, Шолохов или Тынянов? Что в творчестве Бахтина «зацепило»? На каком Совете и по каким наукам Вы защищались?

Честно говоря, как самый неконкретный из всех больших филологов-философов. Мутный классик очень удобен, чтобы начинающему автору приписать ему свои мысли. Собственно, меня всегда интересовало, как создаются и как разрушаются общие представления, то, что «все знают». А у Бахтина я смог вычитать теоретическую модель одного явления. «Найти классика» посоветовал отец. Думаю, правильно посоветовал. От «первого лица» оно, вероятно, сложнее бы прошло.

Мысль была проста до изжоги. У Бахтина есть термин «двугласое слово», т.е. речь, построенная, как комбинация пред найденных в культуре (языке) форм и смыслов. Но суть в том, что подобное «чужое слово» может обладать разной возможностью «фамильярного контакта», т.е. проверки на истинность и присвоения. Абсолютно дистанцированное и чужое слово (авторитарное слово по Бахтину) может существовать, пока существует в качестве сакральной породившая его институция. При малейшей десакрализации говорящий (сегодня я бы сказал «социальный агент») начинает стремиться к «фамильярному контакту», ороднению мира и речи, этот мир отражающей. Возникает «карнавал», как форма такого присвоения через десакрализацию авторитарности. Возникает внутренне-убедительное и чужое (не истинное) слово. Это — наиболее плодотворный период. Существует некое пространство авторитарности (общих и взаимно разделяемых смыслов). Существует Я, как носитель сомнения, и мое слово, как истина, существует коммуникация, как спор и «переламывание чужих интенций». Но начавшись, разъедание авторитарности неостановимо. В конечном итоге ее, т.е. общих смыслов, не остается. Коммуникация оказывается невозможной. Здесь, как говорит Бахтин, общение возможно только по поводу «последних вопросов» (жизни, смерти, трансценденции). На этом кандидатская заканчивалась. Докторская начиналась. Здесь меня интересовало, собственно, как происходит «общение по поводу “последних вопросов”», какие из них являются «последними». Как-то так.

Эта работа — филолого-философская. В Хабаровске была профессиональная среда, в которой эту тему можно было серьезно обсуждать, или Вы «выходили» со своими построениями и выводами на более широкую научную аудиторию?

Увы. В Хабаровске среды почти не было. Как сказал мой формальный научный руководитель: «Читал. Ничего не понял. Но парень ты не вредный. Защитим». По диссеру общался, конечно, с родителями. Обсуждал с коллегами из Екатеринбурга. Когда-то проговаривал зачатки идеи с Клубковым. Какое-то реальное обсуждение появилось году в 1996-м. Получилось проговорить подход и возможности его конкретизации на семинаре в Швейцарии. Позже в рамках образовательных программ, организованных фондом «Институт «Открытое общество» обсуждал с В. В. Радаевым, А. Ф. Филипповым, В. А. Ядовым,

В. А. Подорогой, который на тот момент занимался близкой мне проблемой культурного ландшафта и превращением природного объекта в культурный знак. Это уже в году 97-98. Но это была уже следующая жизнь.

Поговорим и о следующей жизни, но сначала подведем итог этой. В 1998 году Вы защитили докторскую диссертацию по философии, это было исследование социального хаоса. Какой путь Вы прошли от анализа парадигматики М. М. Бахтина к проблематике социального хаоса? Каков генезис вашей темы и каковы основные выводы Вашей работы?

Путь был не долгим, поскольку, как я уже говорил, проблематика докторской непосредственно вытекала из кандидатской. Точнее, она начиналась там, где я поставил точку в первой работе. В докторской меня интересовало то, как осуществляется и как возможна коммуникация, когда общих смыслов у коммуникантов не оказывается. Т.е. в условиях разрушенной или потрясенной социальности. Но по дороге я пережил два увлечения, сказавшихся на тексте. Первое началось еще в ходе работы над кандидатской. Увлечение феноменологией. От Гуссерля я шел к Хайдеггеру и Сартру. Далее к Щюцу, Рикеру. Собственно, бахтинские тексты тоже были связаны с этой традицией. Но в первый момент это было «чтение для себя», отдых. Только, когда я дошел до Щюца и современных его последователей, забрезжила перспектива практической работы. Дело в том, что в философии мне жутко мешала необходимость «чистого категориального анализа», необходимость обходиться без материала. Все же я филолог, эмпирик. У интеракционистов же достаточно высокие категории начинали соединяться с «землей», материалом. Вторым увлечением, проснувшимся где-то к 1995-му году, было увлечение качественными полевыми исследованиями. Я совершенно непонятным мне образом получил небольшой грант одного из первых фондов в РФ («Культурная инициатива»), в ходе которого пришлось провести небольшой опрос и организовать интервьюирование. Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова. От него перешел к Парсонсу и Мертону, Гирцу и Гарфинкелю. Читал запоем. Для меня это было очень необычно. В 1997-м году поехал на школу молодых социологов. Собственно, там сложился мой первый социологический проект. Потом они пошли косяком. Видимо, на нерест.

В результате диссертация на теоретическом уровне стала более исходить из хайдеггеровского Dasein. Бахтин был несколько потеснен. Сами же модели «поиска резонирующих сознаний», т.е. стремления человека обрести круг солидарности оказались связаны с вполне социологическим материалом. Сама картинка в первом варианте диссертации оказывалась вполне социологической, связанной с дальневосточным материалом. Диссертацию просматривал В. А. Ядов и предварительно «дал добро». Но судьба поднесла очередной кульбит. В силу болезни близкого человека я не мог надолго покинуть Хабаровск, что, практически, исключало вариант защиты в Москве. У нас же совета просто не было. Я уже вполне смирился с тем, что текст останется потомкам, но спасло ситуацию другое чудо — мой дядюшка-математик, точнее матбиолог. Есть счастливые люди, для которых любая жизненная проблема — только задача, имеющая решение. Узнав о ситуации, он спросил: а что нужно, чтобы кандидатский совет стал докторским? Еще три члена совета (на тот момент, сейчас сложнее). Они, в регионе есть? Да. Так давай сделаем совет. Он договорился с председателем совета по

философии С. Е. Ячиным. Мы подготовили документы. Он открыл совет. В нем я и защитился. Впрочем, пришлось опять перелопатить всю работу. Усилить категориальную часть, убрать эмпирический материал (жалко было до слез). Институт социологии в лице Александра Филиппова и его отдела фундаментальной социологии выступил ведущей организацией. Все это было как-то суетливо и набегу. Было жутко жалко отрывать время от реальных исследований, которые мы проводили совместно с замечательным питерским социологом Эллой Панеях и новосибирским коллегой Антоном Карповым. Но было понятно, что в мире, где гамбургский счет не предусмотрен, формальный статус жизненно необходим. В самом деле, масса халтур в последующие годы сыпалась просто потому, что была степень. Саму защиту не помню. Единственное, почему-то осталось в памяти, как старичок-философ требовал, чтобы я признал себя субъективным идеалистом. Я признал, и он успокоился. Даже, кажется, проголосовал «за».

Красивая метаморфоза бахтинской концептуалистики. Действительно, похоже, что ядро такого видения социального хаоса у Вас возникло давно, но лучше все было развивать и подавать не от «первого лица». После защиты докторской прошло полтора десятилетия, что за эти годы было сделано в направлении уточнения и развития Вашего подхода?

Я попытался максимально «расфилософить» модель, сделать ее верифицируемой. Эмпирическим основанием здесь выступал, по большей части, материал, собранный на дальневосточной окраине России. Частично использовался материал, собранный в других регионах, другими участниками группы. Сферой исследования была неформальная экономика и, частично, миграция (заселение) Дальнего Востока. Мне показалось, что то, что происходило в бизнесе (силовые отношения, способы формирования доверия, механизмы обслуживания транзакций и т.д.) и находилось в зоне тех самых, бахтинских «последних вопросов». Работающих институтов (во всяком случае, формализованных) еще не было. Они возникали «на глазах», выстраивались в ходе коммуникации и по модели «железной клетки» Пауэла (копирование удачного опыта). Я попытался понять механизм осуществления коммуникации в этих условиях, формирование «пространства доверия», как делового пространства. Здесь, конечно, сменился и круг «любимых авторов». Прежде всего, Э. де Сото и Дж. Скотт, М. Олсон и Д. Норт. Неоинституционализм в самом широком понимании. «Заразила» меня этим Э. Панеях. Но заражение оказалось продуктивным.

Еще интереснее было изучать «свой» регион, точнее его южную часть, поскольку в Якутии и на Калыме с Чукоткой ситуация несколько иная. Здесь возник (и был описан) очень интересный процесс. Территория не столько заселялась, сколько постоянно пребывала в режиме: заселение-отъезд. И так с 18-го века. В период «приливного цикла» число приезжих было в разы больше, чем число оставшихся местных. Причем, приезжие были из разных регионов с сильно различающимися социальными и культурными установками. Очень велик (до 10%) был процент приезжающих иностранцев. При этом, каких-либо конфликтов на этой почве не возникало. Меня интересовало: как осуществлялась коммуникация людьми с существенно различающимися «культурными кодами»? Как гасятся (гасились) конфликты? Механизм этот я назвал «проточной куль-

турой». Уточнение этого понятия привело к теме формирования солидарностей «в порах» и «помимо» государства. Собственно, проблема жизни людей «за пределами статистики» сегодня для меня основная.

Несколько побочным сюжетом оказалась для меня работа в области политической теории. Сюда меня затащил М. В. Ильин, в тот момент главный редактор журнала «Полис». Под его влиянием появилось несколько моих политико-философских, как говорят, работ, связанных с исследованием политической истории слов (деградация, революция). Но в чистой теории я чувствовал себя не особенно уютно. Почему-то она часто оборачивалась рассуждениями в духе «пикейных жилетов». Причем, совсем не только у меня. Видимо, такие рассуждения и есть суть отечественного «экспертного сообщества». Потому при первой же возможности я удрал туда, где есть какая-то опора на эмпирический (или исторический) материал. Здесь, как ни странно, меня поддержал Ю. С. Пивоваров, автор концепции «русской власти», которую я активно использовал при вполне эмпирических исследованиях.

Российская действительность 90-х и современности дает бесконечное множество «хаотических» полей. В каких областях прикладной социологии Вы преимущественно работаете?

Участвуя в проекте под руководством Вадима Волкова (Европейский университет в СПб), я впервые столкнулся с неформальной экономикой, точнее, с социологией российского бизнеса. Увлёкся невероятно. Потом лет десять подряд я собирал интервью с группой дальневосточных бизнесменов (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск, Биробиджан), активно коммуницирующих друг с другом. Это давало возможность не только увидеть срез, но проследить динамику, увидеть, как в «круг» включались государственные служащие, силовики. Сегодня имеется коллекция из 216 биографических интервью.

Другой сферой интереса было изучение миграции. Здесь нужно сказать «спасибо» замечательному иркутскому ученому В. И. Дятлову, который смог собрать научный коллектив от Польши до Приморья. Его проекты (это тоже почти 10 лет работы) позволили получить гигантский эмпирический массив, увидеть более или менее целостную картинку. Собственно, описание «проточной культуры» выросло оттуда.

В силу того, что бизнесмены – герои 90-х постепенно оттеснялись с социального олимпа чиновниками, мои интересы все больше смещались к этой группе, «политическому сословию» современной России. Так я, достаточно неожиданно для себя оказался «политологом». С 2002-го года было реализовано пять проектов, связанных с исследованием неформальных оснований поведения чиновников, логики их действий и т. д. По большей части, это тоже были неформализованные (частью экспертные, частью биографические) интервью и личные наблюдения в ходе выборных баталий. В ходе исследования этой группы (сословия или как-то еще) возник интерес к теории организации.

Правда, в последние годы мне все больше интересно то, что находится за ее рамками. Благодаря поддержке фонда социальных исследований «Хамовники» удалось провести большое полевое исследование в малых городах Дальнего Востока. Неожиданно оказалось, что коллеги из института истории и этнографии ДВО РАН (Владивосток) проводят почти аналогичное исследование. При обмене

данными получился вполне показательный массив для описания солидарности и практик выживания людей в условиях нарастающего давления государства. В результате возникла книжка, вышедшая недавно в издательстве «Европа» («Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток»). Книжка вышла не совсем научной. Но ... мне так хотелось.

Был еще один, достаточно случайный, но неожиданно получившийся проект. В бытность свою главным редактором журнала «Полис», я вывесил небольшое эссе на тему, что мы гораздо лучше знаем, что происходит в Брюсселе или Вашингтоне (во всяком случае, гораздо больше интересуемся), чем то, что происходит в бывших «союзных республиках», наших ближайших соседях. Отсюда неадекватность многих действий России в рамках СНГ, ОДКБ и др. Это был 2006-ой год. А через три месяца я получаю письмо от коллеги Андрея Большакова из Казани, что он нашел деньги на проведение большого семинара с приглашением участников из новых независимых государств. Почти год мы этот проект готовили и в 2007-м году реализовали. Был интереснейший сравнительный материал. Результаты его представлены в журнале «Полития» (из «Полиса» я к тому времени ушел) за 2008-ой год. К сожалению, проект этот продолжения не получил. Олигарх, поддержавший его, сменил место жительства и утратил интерес к проекту.

Где и в каком статусе Вы сейчас работаете? Как результаты Ваших исследований представлены в Ваших лекциях? Участвуют ли в Ваших проектах студенты, аспиранты?

Есть такая байка: «Вот разбогатею. Брошу все работы. Оставлю три любимые». Это мой случай. Основная работа (там, где лежит трудовая книжка) – заведующий кафедрой философии Тихоокеанского государственного университета. Параллельно преподаю еще в нескольких вузах в разных городах страны. Как правило, это спецкурсы. Редактирую совместно с С. И. Каспэ и Л. А. Галкиной журнал «Полития». То же самое делаю с университетским журналом «Вестник ТОГУ». Есть маленький частный НИИ, который мы некогда с коллегой И. Ф. Ярулиным создали под свои проекты и их возможное частное финансирование. Наверное, есть еще что-то, о чем не вспомнил. Студентов привлекаю только в качестве «чернорабочих». Отреферировать определенный круг источников, пробежаться по маршруту с опросным листом. Иногда беру в помощники при интервьюировании и наблюдении. Но это «избранных». С аспирантами лучше. Часто приходят люди со «своим» материалом, который (с их согласия, конечно) использую в работе. Как правило, получаются совместные статьи. Впрочем, «работать вместе» у меня получается с очень ограниченным кругом людей. Аспиранты в него попадают не часто. Какие-то точки соприкосновения их и мои темы имеют, но в свою тему я приглашаю очень редко. Это не высокомерие. Просто так сложилось. Удачное исключение – Э. О. Леонтьева. На сегодня вполне себе профессор и заведующий кафедрой социологии. Но в 1999-м году я едва не пинками выпихивал ее на кандидатскую. В 2006-м вместе формулировали тему ее докторской. Здесь сотрудничество получается лучше. Есть куча совместных проектов, семинаров, конференций. Хотя публикуемся мы раздельно. Кажется, 2 или 3 совместные публикации были. Но это не правило.

Результаты исследований использую постоянно. Но, собственно, по материалам проектов читаю спецкурсы. Самый удачный спецкурс прочел в Иркутском госуниверситете в 2013-м году. Это было по материалам «поля» в малых городах. В родном вузе с этим сложнее. Социологов мы не готовим. Есть регионоведы, социальные работники и прочие «примкнувшие». Какие-то материалы в курс вплетаю. Но далеко не все. Веду у журналистов. Но здесь используется совсем другой опыт и совсем другие проекты.

Недавно я посмотрел серию видео – Ваш рассказ по истории Дальнего Востока. Это – эпизод в Вашей жизни или элемент постоянного сотрудничества с разными СМИ?

Трудно сказать. Наверное, это постоянно повторяющиеся эпизоды. Халтурил в СМИ я всегда. С какого-то момента стал появляться на местных экранах более или менее регулярно. Самое тесное сотрудничество со СМИ было в 2005 – 2007-м годах. В 2005-м году я впервые, начиная с 1997-го года, не получил поддержки своего проекта, потерял интерес к теме, которой занимался в тот момент. Был в постоянной депрессии. Словом, классический кризис среднего возраста. При этом, я ходил по друзьям и ныл о том, что жизнь – сплошное коловращение воздушных шаров. И вот один из них, возглавлявший в тот момент комитет по СМИ в краевой администрации, решив избавиться от моего нытья, закинул меня главным редактором (директором) краевой радиокomпании. На два года я получил кабинет, персональную машину, личного секретаря, круглосуточное вещание на весь регион и шестьдесят сотрудников в придачу. С упоением кинулся программировать эфир. Что-то даже получалось. Но, как оказалось, главная моя работа состояла в поиске рекламодателей, решении юридических и хозяйственных проблем и пр. Как только я «отпускал» это направление и полностью погружался в кайф творчества, у компании начинались финансовые сложности. Приходилось посылать творчество по общеизвестному адресу и очаровывать всяких не всегда приятных дядек и тетек на предмет вытягивания их денег. Словом, за два года я возненавидел кабинет, машину, секретаря и саму компанию. Понял, что я ни под каким соусом не хочу быть начальником. Сбежал назад в университет. Правда, проекты в СМИ продолжал. Работал «говорящей головой» на нескольких программах. Больше для души, а не для денег. То, что Вы видели, было одним из таких проектов. Но, пожалуй, самым выстраданным.

Ваш отец, Ефим Давидович Бляхер (1931 — 1998), был весьма самостоятельным, сильным философом, эстетиком, культурологом. Пожалуйста, расскажите о его работах и о его влиянии на Вас.

Это даже не влияние. Мало кому так повезло с отцом, как мне. Он не ходил со мной в походы и не запускал бумажных змеев. Почему-то эту функцию брала на себя мама, тоже, кстати, совсем не слабый философ (Л. М. Волынская). В раннем детстве помню формулу: «папа работает». Это значит – нельзя шуметь, нельзя забегать в кабинет. А лучше всего вообще пойти побегать во дворе. Мама говорила, что дети становятся интересны папе с того момента, когда они учатся играть в шахматы и читать книги. Но с этого возраста папа был всем: справочником, открытым на нужной мне странице, консультантом по любой научной проблеме, самым лучшим и знающим рассказчиком, редактором моих первых писаний,

просто другом. Он рассказывал безумно интересные штуки про художников и их произведения, про исторических персонажей и эпохи. Так просто и понятно, как он объяснял сложнейшие философские модели, не объяснял мне никто в жизни. Сам он писал всегда. Писал стихи, критические статьи, но более всего, конечно, статьи научные. Я не уверен, что смогу адекватно описать его творчество. Все же большую его часть я был слишком мал и глуп. Попробую. Первые (ранние) его работы были, как мы бы сейчас сказали по «мировой художественной культуре». Тогда это проходило под грифом «марксистско-ленинская эстетика». Папу более всего, судя по работам, интересовал механизм приписывания ценности (смысла) объекту, операция считывания этого смысла. Материалом для того была первобытная культура. В число мэтров он не вошел. Но его работы этого периода были оценены Ю. Н. Давыдовым, С. С. Аверинцевым, М. С. Каганом и другими классиками. Это были 60-е годы.

В 70-е – 80-е папа работал вместе с мамой в парадигме концепта «картина мира». В 76-м вышел их главный совместный продукт – книга «Картина мира и механизмы сознания», посвященная, как определял папа, социологии научной картины мира. Это – не совсем моя проблема. Но читается, если опустить обязательные в тот период ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина, вполне свежо и сегодня. Основной корпус их идей отражен на страницах журнала «Философские науки». Из них ключевой была мысль об «убегании» основания рефлексии в бесконечность. Они назвали это «парадоксом Мидаса»: все что мыслящий субъект выбирает в качестве основания рефлексии над наличной реальностью, само превращается в предмет рефлексии.

В середине 80-х папа отходит от этой проблемы (мама продолжала ей заниматься до самого конца) и возвращается к культурной антропологии, а может и социологии культуры. Это я уже помню. До сих пор читаю и использую его блестящую работу «Культурный образец», опубликованную в свердловском сборнике «Марксистско-ленинская категория образа». Совершенно шикарный семантический анализ проведен в его статье «Парадокс Одиссея, или три стороны одной медали». Культурно-антропологическая направленность сохранялась до конца жизни. Последний учебник, «Философия культуры», он писал уже в онкологической больнице. Наверное, если подробно рассказывать о пачках идей, которые есть в его работах, нужно писать отдельную статью. К сожалению, папа был полностью лишен того, что называется научным честолюбием. Ему было важно, как он говорил, «выписаться». А как это будет воспринято – проблема воспринимающих. Может быть поэтому, постоянно находясь в кругу великих, он никогда сам в качестве такового себя не осознавал и не осознавался.

Не могу не отметить еще один, для меня важнейший момент – папин стиль. Писал он быстро и ярко, очень образно и, в то же время, логично. Долгое время я невольно копировал (в ухудшенном варианте) его стиль. Потом, не менее долгое время старательно писал «не как папа». Лишь лет десять, как я смог, как-то отойти от постоянного сопоставления своих и его текстов. Можно сказать, что мой стиль письма полностью сформирован под его влиянием. Даже наша постоянная ругань по поводу моих писаний была формой овладения тем, как писал он. Кстати, постфактум оказывалось, что почти всегда он был прав. Хотя форма порой была, мягко говоря, резковатой. Так, прочитав первый (рукописный) вариант моей кандидатской страницы до 90-ой, он вдруг схватил пачку

листов и порвал со словами: Мой сын с этим бредом на защиту не выйдет! Не разговаривали неделю. Потом я успокоился и сел переписывать. Понял, в чем бред. Интересно, что такие вспышки ярости адресовались, кажется, только мне. Считалось, что папа очень мягкий и лояльный научный руководитель.

Наверное, будет не правильным, не сказать об «общественной работе», которую постоянно вел папа. В 60-е годы он был одним из основателей интерната для художественно одаренных детей. Группа энтузиастов моталась по отдаленным кишлакам республики, выискивала талантливых детей, уговаривала родителей отдать их учиться. Большая часть творческой таджикской интеллигенции называла папу «вторым отцом». В республике папу называли «Большой муалим (учитель)», а министр культуры первым здоровался при встрече. При этом, каких либо особых барских замашек папа был лишен абсолютно. Во второй половине 80-х он был одним из инициаторов создания Всесоюзного общества деятелей эстетического воспитания. Это была такая почти истерическая попытка творческой интеллигенции создать «образ будущего» для СССР, без радикального разрушения всего и вся. Понятно, что попытка провалилась.

В Хабаровске, несмотря на полное крушение всей жизни, он продолжал или пытался продолжать заниматься облагораживанием Вселенной вокруг себя. Мне в 25 лет было тяжело приживаться на новом месте. Ему в 60 это давалось куда труднее. Но он не сдавался. Создал и легализовал рабочую группу при администрации края по разработке концепции «города образования». Думаю, что постоянные поиски приключений на филейные части тела у меня от него.

Теперь мне стал понятнее Ваш интерес к построениям Бахтина, раньше я не мог понять, как и почему душанбинскому «пареньку» приглянулся этот сложный писатель и философ. Но сразу возникает новый вопрос: «Почему после защиты кандидатской диссертации по Бахтину Вы не продолжили разрабатывать философско-филологическую проблематику, а сдвинулись в философско-социологическую?»

Трудно сказать. Много факторов. Хотелось писать «о жизни», а не о ее художественном образе. Попались тексты Щюца и Бергера, Лукмана, которыми «заболел» всерьез. Очень понравилось проводить полевые исследования. Но, наверное, самым важным был самый случайный фактор. С 1996-го по 1998-ой год я ездил на школы молодых социологов, проводимые под эгидой фонда Форда и фонда «Институт «Открытое общество». Попал туда первый раз совсем случайно. В газете «Поиск» прочел о конкурсе для участия в школе. В этот период я разрывался между детьми, больной супругой и отцом, десятками каких-то халтур и халтурок. Крыша ехала. По согласованию с мамой и коллегой, которые взялись заменить меня на пару недель, решил устроить себе «отпуск». Из предложенных в тот раз направлений экономика и юриспруденция отпадали сразу. Ну, ни один раз я не юрист и не экономист. Политология не заинтересовала. Решил попробовать подать на социологию. Прошел. Там услышал лекции Вадима Волкова, Вадима Радаева, Л. Г. Ионина, В. А. Ядова, Александра Филиппова и других разных, но вполне харизматичных людей. Главное, там сложился мой первый социологический коллектив. Молодые, веселые, яркие ребята. Просто хотелось быть в этой тусовке. По сути, это была первая стабильная научная среда

в моей жизни. До того исследования были моим частным или, в лучшем случае, семейным делом. Потому свою проблему стал постепенно сдвигать в эту сторону, приспособливая филологию к социологии.

Леонид, почему я Вас с таким пристрастием «допрашиваю»? Уже около десяти лет в моих текстах проскальзывает положение о биографичности творчества социологов. Само по себе это положение не супероткрытие. Однако, поскольку до последнего времени ни у кого из историков нашей науки не было такого количества интервью с состоявшимися социологами, то особенно на эту тему и никто и не мог рассуждать. Применительно к писателям, особенно – поэтам, композиторам никто и не сомневается в биографичности творчества, но, по-моему мнению, любое творчество биографично, в нем отражена биография человека и даже, есть в моих построениях, такое понятие – предбиография. Другое дело, по-видимому, существуют разные виды (типы, формы...) биографичности. Так вот, мое прист-растие в извлечении из человека разных сведений и объясняется моей исследовательской установкой. Представим, я или кто-либо иной, тем более – через много лет, решил бы написать Вашу научную биографию. Можно ли понять и проанализировать Ваш путь в социологию, не имея Ваших ответов на два последних вопроса?

Что Вы как социолог, философ, филолог скажете по поводу биографичности творчества социологов?

Почти уверен в этом. Чтобы сказать «уверен», наверное, нужно иметь побольше материала. Кстати, Элла Панеях об этом очень откровенно пишет в предисловии к своей книге. Да и, в принципе, оценивать ее творчество без учета ее оппозиционной деятельности в позднем СССР, членства в ДС и других перипетий биографии очень трудно.

По существу, я (да и, видимо, не только я) решаю свои проблемы, вполне себе частные. Когда они «отрываются» от меня, начинают выглядеть совсем иначе. Скажем, в мою бытность главным редактором журнала «Полис» там, едва не в каждом номере выходили мои статьи. Но дело совсем не в том, что я использовал информационный ресурс для внедрения каких-то идей или переживал интеллектуальный взлет. Все проще. При установлении минимально высокой научной планки оказывается, что авторов, способных писать сколько-нибудь прилично, совсем не много. И пишут они не по 8-10, а по одной - две статьи в год. А номера нужно чем-то заполнять. Каждая моя статья в журнале означала, что я не справился со своей работой, не нашел нужного количества статей и теперь заполняю пустующие «полосы» в журнале. Иногда это получалось лучше, иногда хуже. Но начальный толчок был именно с этой стороны. Да и сам дрейф в политическую социологию из социологии экономической имел еще и биографическую причину. К 2001-му году распалась наша научная группа. Большая ее часть уехала в США и Францию. Кто-то ушел в маркетинг и полит консультирование. А тут Михаил Васильевич Ильин (гл. редактор «Полиса» до 2005 года) пригласил участвовать в его проекте. Там тоже была замечательная тусовка и я, с радостью, принял это приглашение. Соответственно, начала «двигаться» и моя тема.

Есть ли в Вашем университете факультет или кафедра социологии? Ведете ли Вы там какие-либо курсы? Участвуете ли Вы в какой-либо программе

сотрудничества российских и китайских социологов? Вообще, в какой степени дальневосточные социологи включены в изучение комплекса проблем, вызванных соседством с Китаем?

Кафедра, конечно же, есть. И какие-то курсы я там читаю. Чаше спецкурсы. Вот с социологами из КНР мы сотрудничаем не особенно плотно. Гораздо активнее с антропологами и философами. Оно не специально. Просто на кафедрах русистики в тех университетах Китая, с которыми мы сотрудничаем, более развиты эти направления. А вот российско-китайское приграничье изучается здесь очень плотно. Это – «местная фишка». По экспоненте растет число всяких конференций по проблемам трансграничного взаимодействия, по изучению и, отчасти, конструированию общей истории. На этом сидит Благовещенск (центр Амурской области). В Хабаровске и Владивостоке русско-китайскую тему приватизировали экономисты и, отчасти, историки. Социологи здесь отстают. Я во время оно изучал «челночное движение» 90-х годов и немножко миграцию из России в Китай последних лет. Здесь китайские коллеги, конечно, помогали. Но, честно, сказать, для меня это были немножко «побочные сюжеты». Хотя в марте занесло в Забайкалье для участия в российско-китайском проекте (антропологическом). Был в восторге. Думал всерьез этим заняться. Тема была по истории русско-китайской торговли и русским общинам в историческом и современном Китае. Окончательно эту мысль не бросил, но отодвинул. Пока много всего и разного. Сына надо выводить на защиту. Висит проведение аспирантского семинара. Да и крымский материал этого лета хотел оформить в статью.

Сын – тоже по социологии? Династия?

Да. Закончил Европейский университет. Сейчас будем организовывать защиту. Он занимается социологией университетов. Не совсем мое, но интерес к функционированию организаций у нас общий.

Не испытываете ли Вы чувства профессионального «отшельничества»? Мне оно знакомо... Все же Ваша профессиональная референтная группа расположена в большей степени в Москве и Питере...

Сейчас нет. Взрослый. Строго говоря, уже не очень нужно. Где публиковать статьи есть. А потребность в тусовке немного погасла. Раз-два в год езжу в столицы или за границу: людей посмотреть и послушать. Примерно с такой же регулярностью приглашаю кого-то из «референтной группы» в Хабаровск. Мне хватает. Постепенно дома сконструировал себе среду общения. Сначала было скучно, когда на меня смотрели, как на учителя. А сейчас они сами с усами. Вполне комфортное общение.

Леонид, в создаваемой мною типологии советских/российских социологов к пятому поколению относятся те, кто родился в период 1959-1970 годов. Те, кто родился в первой половине указанного временного интервала, наверняка входили в социологию еще в советский период нашей истории. С другой стороны, даже те, кто получил социологическое образование, хотя в моей коллекции интервью таких представителей этой когорты еще нет, работали в советской социологии крайне недолго. Тематика исследований представителей вашего поколения – принципиально инновативна, в советские годы социологи лишь робко занимались (или вообще не занимались) социальными проблемами хаоса, менеджериализмом, неформальной

экономикой. В области методологии ваше поколение принципиально свободнее, чем в советские времена, когда все должны были клясться в приверженности к марксизму. Использование феноменологических методов не поощрялось. Обучение на Западе, подготовка Ph.D. – казались невозможными... фактически это все первым осваивало ваше поколение. Тогда мой вопрос: «В какой мере, как Вы думаете, ваше поколение продолжает работы советских социологов?»

Знаете, думаю, что продолжает. Хотя, конечно, в верности марксизму-ленинизму мы клянемся реже. Как бы то ни было, но «путевку в жизнь» В. В. Радаеву дала Т. И. Заславская. Думаю, что при другом родителе другим был бы и А. Ф. Филиппов. Наверное, можно найти «советских классиков», оказавших влияние и на других ярких представителей «пятого поколения». Что до меня, то «опорными» из отечественных исследователей были С. Г. Кардонский и Ю. С. Пивоваров. Много вынес из общения с В. М. Сергеевым да и другими замечательными представителями предшествующего поколения. А полученное во время оно одобрение моих потуг на социологию от В. А. Ядова и Т. И. Заславской были сильнейшими импульсами к творчеству. Просто выби- рались не «основные» советские классики, а те, кто и в годы СССР исследовал реальность. Ведь они были. А то, что получилось дополнить их влияние класси- ками мировыми, это не наша заслуга. Так вышло.